

ПРЕМІЯ

ЖУРНАЛА

„БУДИЛЬНИКЪ“

✧ НА ✧

1891 годъ.

РУССКАЯ ИМУЩЕСТВА

А. С. ПУШКИНА.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ

СЪ ФОТОТИПІЯМИ,

СНЯТЫМИ СО СЦЕНЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА.

S₂
B13

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА

А. С. ПУШКИНА.

Полный текстъ сказки, съ ВОСЕМЬЮ фототипіями, изображающими лучшія картины оперы М. И. Глинки „Русланъ и Людмила“, въ постановкѣ ея на сценѣ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА.

Съ приложеніемъ листа портретовъ: Пушкина, Глинки и главнѣйшихъ исполнителей оперы въ Москвѣ.

Фототипіи исполнены въ мастерской художника-фотографа Р. Ю. Миле.

ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА „БУДИЛЬНИКЪ“ НА 1891 г.

МОСКВА.

Пушкинскій Заповѣдникъ
Академіи Наукъ Союза ССР
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 234

Дозволено цензурою. Москва, Марта 7 дня 1891 г.

ГОС. МУЗЕЙ
А. С. ПУШКИНА
Кабанет. Инвентарь.
№ 6444

„РУССКАЯ“ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ, ГВЕРСКАЯ, Д. ГИНЦБУРГЪ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА

А. С. ПУШКИНА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „БУДИЛЬНИКА“.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛОЙ“ А. С. Пушкина „Будильникъ“ продолжаетъ задуманную имъ „живую иллюстрацію“ произведеній лучшихъ русскихъ писателей. Богатыя художественныя средства образцовыхъ русскихъ сценъ, обильныхъ талантами, уже дали намъ возможность воспроизвести въ живыхъ образахъ созданія Фонвизина, Гоголя, Грибоѣдова, Лермонтова, Островскаго. Теперь мы взяли классическую „сказку“ Пушкина, а для картинъ къ ней воспользовались, въ силу благосклоннаго разрѣшенія г. Министра Двора, постановкой оперы М. И. Глинки „Русланъ и Людмила“ въ московскомъ Императорскомъ Большомъ театрѣ. Ближайшее начальство театра оказало намъ любезное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Фотографическое воспроизведеніе всей обстановки, декораций и группъ исполнителей представляло огромныя трудности, побѣдить которыя намъ удалось только благодаря доброму содѣйствію гг. режиссеровъ и декораторовъ, помогавшихъ нашему художнику-фотографу Р. Ю. Тиле. Онъ первый занялся въ Москвѣ опытами примѣненія свѣта магнія къ моментальному фотографированью большихъ массъ и картинъ; этимъ способомъ и сдѣланы наши снимки. Естественно, что *первый опытъ*, и притомъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, не лишенъ недостатковъ, легко устранимыхъ конечно при дальнѣйшихъ работахъ. Необходимость уменьшенія первоначальныхъ снимковъ съ обширной сцены Большого театра повела къ ослабленію ясности и сходства лицъ главныхъ персонажей. Въ виду этого мы рѣшили, сверхъ обѣщанныхъ *восьми* картинъ, дать еще *девятую*, съ портретами главнѣйшихъ исполнителей оперы (по афишѣ), съ присоединеніемъ портретовъ Пушкина и Глинки, литературнаго и музыкальнаго творцовъ „Руслана и Людмилы“. Въ числѣ снятыхъ артистовъ находится и талантливый И. Ф. Бутенко, блестяще исполнявшій партію Руслана. Смерть неожиданно похитила даровитаго пѣвца въ короткій промежутокъ между снятіемъ картинъ для нашей преміи и ея печатаніемъ.

Въ заключеніе выразимъ надежду, что и настоящая премія „Будильника“ будетъ встрѣчена интеллигентною публикой съ тѣмъ же сочувствіемъ, какого удостоились и всѣ преміи послѣднихъ лѣтъ.

XXVI

ГОДЪ

ТРЕЗВИНСКІЙ

УКРАИЦЕВЪ

БАРЦАЛЪ

ГНУЧЕВА

ПУШКИНЪ

НИКОЛЬС

ЭЙХЕНВАЛЬДЪ

ТЮТЮНИКЪ

ВАСИЛЕВСКІЙ

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Большая опера въ 5 дѣйствіяхъ и 8 картинахъ,
музыка М. И. Глинки.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

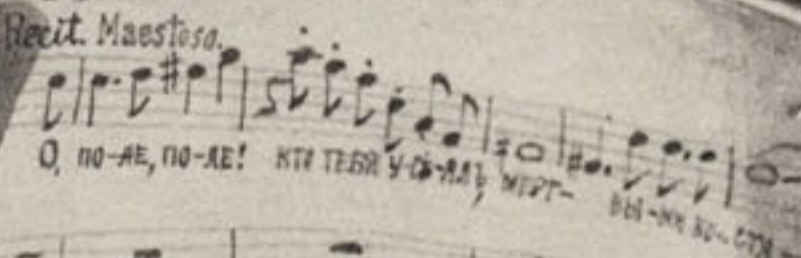
Свѣтосаръ, великій князь кіевскій	г. Трезвинскій.
Людмила, дочь его	г-жа Каратаева.
Русланъ, кіевскій витязь, нареченный женихъ Людмилы	г. Бутенко и (въ первой картинѣ)
Ратмиръ, князь хазарскій.	г. Власовъ.
Баянъ	г-жа Гнучева.
Фарлафъ, рыцарь варяжскій.	г. Украинцевъ.
Горислава, плѣнница Ратмира.	г. Василевскій и (въ первой картинѣ)
Финнъ, добрый волшебникъ	г. Тютюникъ.
Наина, злая волшебница	г-жа Эйхенвальдъ.
Черноморъ, злой волшебникъ карло.	г. Барцалъ.
	г-жа Никольская.
	экст. восп. Никольскій

Витязи, бояре, боярыни, сѣныя дѣвушки, няни и мамы,
отроки, гридни, чашники и столычники, дружина и народъ,
дѣвы волшебнаго замка, карлы и рабы Черномора.

ТРЕЗВИНСКІЙ
ЖУРНАЛЪ
УТРАТЪ

АРІЯ.

1891 годъ

МОСКВА

М. И. ГЛИНКА

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однахъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите-же вы мой трудъ игривый!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужь я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

ПРОЛОГЪ.

 лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морекой.

Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пах-
нетъ!

И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню... Сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Вѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями въ гридницѣ высокой
Владиміръ солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медь изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный,
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ баяна:
И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.
Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И, щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна неприятны имъ;
Не слышатъ вѣщаго баяна,
Потупили смущенный взглядъ;
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.

Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кievскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.
Вотъ конченъ онъ; встають рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ приуныла,
И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту.
Но съ тайнымъ грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.
И вотъ, невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милья надежды;
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На царградскіе ковры...
Вы слышите-ль влюбленный шопоть.
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропоть
Послѣдней робости?... Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ, они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,

Кругомъ все смеркло, все дрожить,
 И замерла душа въ Русланѣ...
 Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
 Раздался дважды голосъ странный,
 И кто-то въ дымной глубинѣ
 Взвился чернѣ мглы туманной...
 И снова теремъ пустъ и тихъ.
 Встаетъ испуганный женихъ;
 Съ лица катится потъ остылый;
 Трепеща, хладною рукой
 Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
 О, горе, нѣтъ подруги милой!
 Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
 Людмилы нѣтъ—во тьмѣ густой
 Похищена безвѣстной силой!
 Ахъ, если мученикъ любви
 Страдаетъ страстью безнадежно,
 Хоть грустно жить, друзья мои,
 Однако жить еще возможно!
 Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
 Обнять влюбленную подругу,
 Желаній, слезъ, тоски предметъ,
 И вдругъ минутную супругу
 На вѣкъ утратить... О, друзья,
 Конечно, лучше бь умеръ я!
 Однако живъ Русланъ несчастный.
 Но что сказалъ великій князь?
 Сраженный вдругъ молвой ужасной,
 На зятя гнѣвомъ распался,
 Его и дворъ онъ созываетъ:
 «Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
 Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ
 Русланъ не слышитъ.—«Дѣти, други!
 Я помню прежнія заслуги:
 О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
 Скажите, кто изъ васъ согласенъ
 Скакать за дочерью моею?
 Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
 Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
 Не могъ сберечь жены своей!—
 Тому я дамъ ее въ супруги
 Съ полцарствомъ пращадовъ моихъ.
 Кто жъ вызовется, дѣти, други? ..»
 —Я! молвилъ горестный женихъ.
 «Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
 Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
 «Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
 Мы рады весь извѣздить мѣръ;
 Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
 Не бойся, ѣдемъ за княжной!»
 И съ благодарностью нѣмой
 Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
 Старикъ, измученный тоской.
 Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
 Русланъ унынемъ какъ убить;
 Мысль о потерянной невѣстѣ
 Его терзаетъ и мертвитъ.
 Садятся на коней ретивыхъ;
 Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Летятъ въ клубящейся пыли;
 Уже скрываются вдаль;
 Уже всадниковъ не видно болѣ...
 Но долго все еще глядитъ
 Великій князь въ пустое поле,
 И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
 И мысль, и память потерявъ.
 Черезъ плечо глядя спѣсиво
 И важно подбочась, Фарлафъ,
 Надувшись, ѣхалъ за Русланомъ.
 Онъ говоритъ: «насилу я
 На волю вырвался, друзья!
 Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
 Ужъ то-то крови будетъ течъ,
 Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой! ..
 Повеселись, мой вѣрный мечъ.
 Повеселись, мой конь ретивый!»
 Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
 Въ немъ кровь играетъ молодая,
 Огня, надежды полонъ взоръ;
 То скачетъ онъ во весь опоръ,
 То дразнить бѣгуна лихого,
 Кружить, подьемлетъ на дыбы,
 Иль дерзко мчитъ на холмы снова.
 Рогдай угрюмъ, молчитъ—ни слова...
 Страшась невѣдомой судьбы
 И мучась ревностью напрасной,
 Всѣхъ больше беспокоенъ онъ,
 И часто взоръ его ужасный
 На князя мрачно устремленъ.
 Соперники одной дорогой
 Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
 Днѣпра сталъ темень брегъ отлогій;
 Съ востока льется ночи тѣнь;
 Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
 Пора конямъ имъ отдохнуть.
 Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
 Широкий пересѣкъся путь.
 «Развѣдемся, пора!» сказали,
 «Безвѣстной ввѣримся судьбѣ.»
 И каждый конь, не чуя стали,
 По волѣ путь избралъ себѣ.
 Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
 Одинъ въ пустынной тишинѣ?
 Людмилу, свадьбы день ужасный,
 Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
 На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
 Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
 Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
 И медленно въ душѣ твоей
 Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра...
 Но вдругъ предъ витяземъ пещера...
 Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
 Идетъ подъ дремлющія своды,
 Ровесники самой природы.
 Вошелъ съ унынемъ; что же зрить?
 Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
 Спокойный взоръ, брада сѣдая;
 Лампада передъ нимъ горитъ;
 За древней книгой онъ сидитъ,
 Ее внимательно читая.
 «Добро пожаловать, мой сынъ!»
 Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
 «Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
 Во мракѣ старой жизни вяну;
 Но наконецъ дождался дня,
 Давно предвидѣннаго мною.
 Мы вмѣстѣ сведены судьбою;

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Изданіе редакци „Будильника“.

Свадебный пиръ.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ, твой оскорбитель —
Волшебникъ страшный Черноморъ.
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ до нынѣ взоръ:
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болѣ
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ мѣръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.

Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...

«Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать»,
Сказалъ старикъ: «тебѣ ужасна
Любовь сѣдого колдуна;
Спокойся, знай — она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свистнетъ — задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.

Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей:
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянетъ жестокой жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой.»

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
«Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.

Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальней
Угрюмый край. Природный Финнъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоня стадо сель окрестныхъ,

Въ безпечной юности я зналъ
Одни дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

«Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотой.
Однажды, утренней порою,
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волюнку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой.
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

«Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей.
Сказалъ: люблю тебя, Наина!..
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

«И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куца, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныньи сердце сохло, вяло;
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля.
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть.
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаговъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ...
Я вдаль уплылъ, надежды полный.
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ,
Томилось тайною кручиной,
Искало финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздна колычуги

Подъ сѣнью хижины родной.
Сказаль—и весла зашумѣли;
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

«Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленный,
Кораллы, золото и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный.
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!

«Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горестъ, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

«Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

«И я, любви искатель жадный,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ,
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ!

Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вънецъ любви, вънецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша, думалъ я,
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

«Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ—и въ тѣмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихоръ поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной

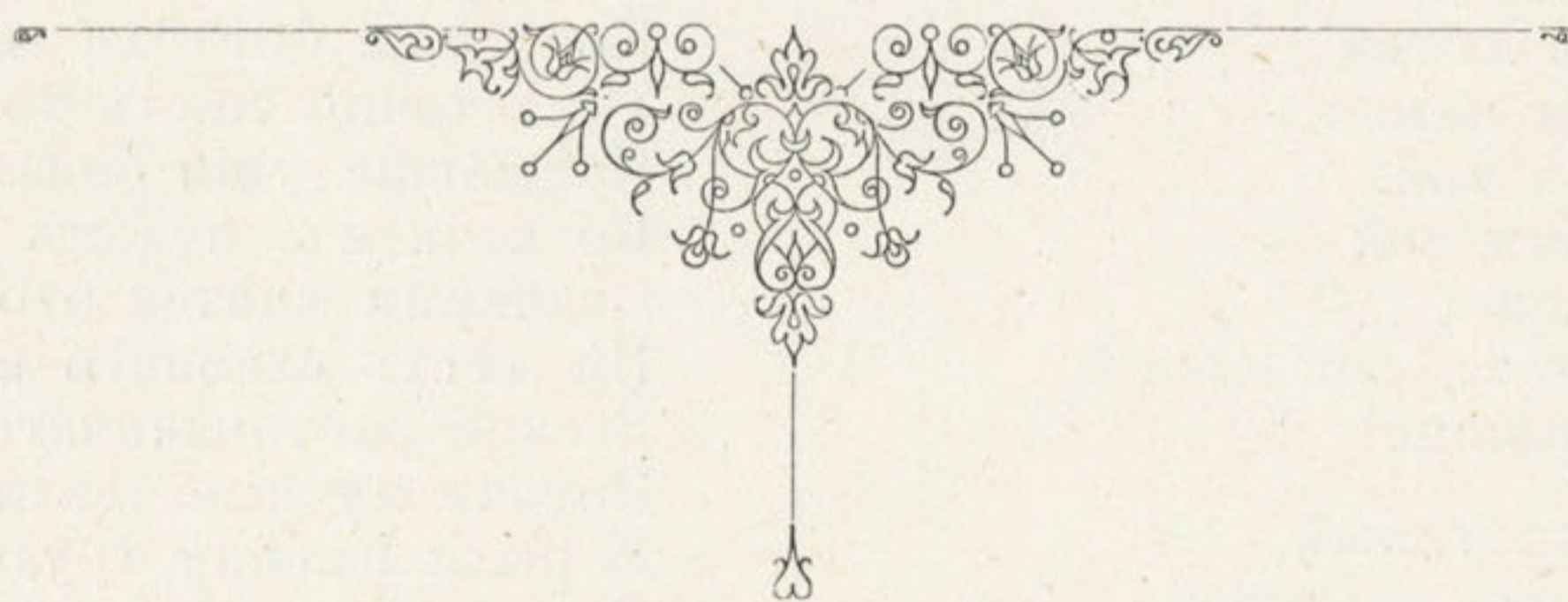
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой,—
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣнныи все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли?... «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ;
«Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
Что дѣлать!» мнѣ пищитъ она:
«Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна—
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

«И было въ самомъ дѣлѣ такъ
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.
Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось, по несчастью:
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгараю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О, милый, милый, умираю!..»

«И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала темными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ—я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмури очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи;
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она во слѣдъ: «о, недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный.
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь—вотъ мужчины!

Измѣной дышать всѣ они!
Увы, сама себя вини:
Онъ оболъстилъ меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Измѣнникъ! извергъ! о, позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»
«Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньи
Съ разочарованной душой,
И въ мѣрѣ старцу утѣшенье —
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидитъ и тебя;

Но горе на землѣ не вѣчно.»
Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ:
«Отецъ мой, не оставь меня!»
И скачетъ по пустому лугу.
Съдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани
И упивайтесь враждой!
Пусть мѣръ предъ вами цѣпенѣтъ,
Дивясь грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣтъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь, только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно!

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный,
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный,—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты меня..
Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,

Какъ буря, мчится на конѣ;
И, времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло и безъ оглядки
Летитъ—а тотъ за нимъ вослѣдъ.
«Остановись, бѣглець безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный:
«Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ,
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечъ ужъ занесенъ;
«Погибни, трусь! умри!» вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Изданіе редакціи „Будильника“.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Русланъ у Финна.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку, чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его», сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.
А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ,
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня;
Вставай, послушайся меня».

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздыхнулъ и молвилъ, оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно развѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ!
Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Киевомъ, въ уединенъи,
Въ своемъ наслѣдственномъ селенъи
Останься лучше безъ заботъ:
Отъ насъ Людмила не уйдетъ».

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣнъи
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой.
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ молодой,
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей.
И говорить: «найду ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
Услышу ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была
И, скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ».

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ, и ржанье,

И топотъ по полю глухой...
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ—и грозой
Помчался князь ему на встрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣсть».
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.
Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный.
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастливая! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихоръ къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
Ты чувствуешь и памяти лишилась.
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней.
Когда за курицей трусливой,
Султанъ курятника спѣсивый,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ,—
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенъи старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ,
Во тьму разсѣлинь безопасныхъ
Уносить бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветь любовницу пѣтухъ..
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята; наконецъ, она
Очнулась, пламеннымъ волненъемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
«Гдѣ жъ милый», шепчетъ, «гдѣ супругъ?»
Зоветь—и помертвѣла вдругъ.

Глядитъ съ боязнію вокругъ...
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемятъ ароматный паръ;
Довольно... благо, мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.
Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла,
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая —
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ;
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.
Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ-нибудь,
На зло привычекъ и разсудку,
Забудеть въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.
Но вотъ, Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины

Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубить горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.
Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась,
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣ садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ.
Подъ ними блещутъ истуканы
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ,
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валяются, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Приютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда—сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходить,
Свободу горькимъ давъ слезамъ
И взоры мрачныя возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасной;
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умыселъ ужасный

Рождался... Страшный путь отверсть:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней висить на двухъ скалахъ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходит — и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула.
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть —
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку съела, оглянулась —
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра.
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.

Дивится плѣнная княжна;
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?»

О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ!
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы — все пропало;
Попрежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица ночи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонить сонъ;
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ
И осторожно опускаетъ.
Сквозь еиміамъ вечернихъ розъ.
На ложе грусти, ложе слезъ
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились.
Чтобъ на ночь пышный снятъ уборъ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,

Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожить какъ листъ, дохнуть не смѣетъ;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье.
И, мнится, шепчетъ тишина...
Идутъ — идутъ къ ея постели;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ... о, страхъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несутъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода
Ужъ онъ приблизился; тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдого карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ
И въ страхъ завизжала такъ,
Что всѣхъ араповъ оглушила
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;
Зажавши уши, поскорѣе
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется,
Шумять, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль нежданну встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещать въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзые кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены

Переплелись и костенѣють;
По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожить —
И вотъ колеблются, слабѣють —
Кому-то пасть... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой —
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни!» грозно восклицаетъ,
«Умри, завистникъ злобный мой!»
Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда кievлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.

Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ:
Нашелъ, настигъ — но прежняя сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древней удалецъ
Въ пустынь свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла.
И долго послѣ, ночью темной
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромный
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Изданіе редакціи „Будильника“.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Фарлафъ предъ Наиной.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Вапрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей.
Стихи мои! Вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
Ужь бѣдный критикъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой, и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тутъ злобы черную печать!
Скажи, зойль, скажи, предатель,
Ну, какъ и что мнѣ отвѣчать?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучнаго Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падеть на стихъ мой, сердцу внятнѣй;
Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
Вздыхнула молча... вздохъ понятнѣй!
Ревнивецъ, бойся—близокъ часъ!
Амуръ съ Досадою своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.
Ужь утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало,
Въ досадѣ скрытой. Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,

И кудри хитрые вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый;
Гремя желѣзной чешуей.
Онъ въ кольца быстрыя согнулся
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя», сказала,
«Собратъ, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общемою враждой;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ».
Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: «дивная Наина!
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посраимъ коварство Финна;
Но мрачныхъ козней не боюсь:
Противникъ слабый мнѣ не страшенъ;
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Не даромъ Черноморъ украшенъ
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубить,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубить
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Русланъ же гробу обреченъ!»
И мрачно вѣдма повторила:
«Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой
И чернымъ змиемъ улетѣла.
Блестая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренный,
Развеселясь, рѣшился вновь

Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ, карликъ бородатый,
 Опять идетъ въ ея палаты;
 Проходитъ длинный комнать рядъ:
 Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
 Вдоль озера, вокругъ водопада,
 Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
 Княжна ушла, пропала и слѣдъ!
 Кто выразитъ его смущенье,
 И ревъ, и трепеть изступленья?
 Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
 Раздался карлы дикій стонъ:
 «Сюда, невольники, бѣгите!
 Сюда! надѣюсь я на васъ, —
 Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
 Скорѣе, слышите ль? сейчасъ!
 Не то—шутите вы со мною!—
 Всѣхъ удавлю васъ бороною!»
 Читатель, расскажу ль тебѣ,
 Куда красавица дѣвалась?
 Всю ночь она своей судьбѣ
 Въ слезахъ дивилась и смѣялась.
 Ее пугала борода;
 Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
 И былъ смѣшонъ, а никогда
 Со смѣхомъ ужасъ не совмѣстенъ.
 На встрѣчу утреннимъ лучамъ
 Постель оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
 Невольно кудри золотыя
 Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
 Невольно волосы густыя
 Рукой небрежной заплела;
 Свои вчерашніе наряды
 Нечаянно въ углу нашла;
 Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
 Тихонько плакать начала;
 Однако съ вѣрнаго стекла,
 Вздыхая, не сводила взора,
 И дѣвицѣ пришло на умъ,
 Въ волненьи своенравныхъ думъ,
 Примѣрить шапку Черномора.
 Все тихо, никого здѣсь нѣтъ.
 Никто на дѣвушку не взглянетъ...
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
 Какая шапка не пристанетъ!
 Рядиться никогда не лѣнь!
 Людмила шапкой завертѣла;
 На брови, прямо, на бекрень,
 И задомъ напередъ надѣла.
 И что жъ? о, чудо старыхъ дней!—
 Людмила въ зеркалѣ пропала...
 Перевернула—передъ ней
 Людмила прежняя предстала;
 Назадъ надѣла— снова нѣтъ;
 Сняла—и въ зеркалѣ! „Прекрасно!
 Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
 Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!“
 И шапку стараго злодѣя
 Княжна, отъ радости краснѣя,
 Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не стыдно ль заниматься намъ
 Такъ долго шапкой, бороною,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокой.
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся долъ широкій
 При блескѣ утреннихъ небесъ
 Трепещетъ витязь поневоля:
 Онъ видитъ старой битвы поле.
 Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
 Желтѣютъ кости, по холмамъ
 Разбросаны колчаны, латы;
 Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
 Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ.
 Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
 И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
 Богатыря тамъ остовъ цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
 Ничто безмолвной тишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряетъ.
 Со вздохомъ витязь вокругъ себя
 Взираетъ грустными очами.
 «О поле, поле, кто тебя
 Усѣялъ мертвыми костями?
 Чей борзый конь тебя топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой палъ?
 Чьи небо слышало молитвы?
 Зачѣмъ же, поле, смогло ты
 И поросло травой забвенья?..
 Время отъ вѣчной темноты,
 Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья.
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
 И струны громкія баяновъ
 Не будутъ говорить о немъ!»
 Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой
 Что добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцырь; а герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ.
 Обходить поле онъ вокругъ,
 Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
 Въ громахъ тлѣющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
 Проснулись гуль и степь нѣмая,
 Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
 Онъ поднялъ щитъ, не выбирая.
 Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
 Но лишь меча сыскать не могъ.
 Долину брани объѣзжая,
 Онъ видитъ множество мечей,
 Но всѣ легки, да слишкомъ малы.
 А князь красавецъ былъ не вялый,
 Не то, что витязь нашихъ дней.
 Чтوبъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
 Копье стальное взялъ онъ въ руки.
 Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
 И далѣе пустился въ путь.

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Изданіе редакціи „Будильника“.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Людмила у Черномора.

Ужь поблѣднѣлъ закатъ румяный,
Надъ усыпленною землею
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяць золотой.
Померкла степь. Тропою темной,
Задумчивъ, ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный.
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь—
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объаты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый;
И перья въ темной высотъ
Какъ тѣни ходять, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянный,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣннѣи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Обвѣхаль голову кругомъ
И ставъ предъ носомъ молчаливо
Щекотитъ ноздри копіемъ.
И, сморщась, голова звѣнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязъ усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязъ неразумный?
Ступай назадъ! я не шучу!
Какъ разъ нахала, проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала;
«Вотъ, гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!» Но витязъ знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
«Молчи пустая голова!
Слыхалъ я истину, бывало:

Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу.
А какъ наѣду—не спущу!»
Тогда отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ усть, ушей поднялся паръ;
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмурия очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихоръ, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Обвѣтый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнутъ.
Вновь обратиться витязъ хочетъ—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему во слѣдъ,
Какъ сумасшедшая хохочетъ,
Гремитъ: «ай, витязъ! ай, герой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязъ, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня.»
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердце кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ
И кровь изъ бѣшенago звѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячася,
Такъ иногда средъ нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены
Внезапнымъ свистомъ оглушень,
Ужь ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И, заикаясь, умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.—
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разитъ.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И племъ чугунный застучалъ...
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязъ въ трепетъ веселомъ

Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжить съ намбреньемъ жестокимъ —
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;
Такъ на долинѣ таетъ ледъ.
Лучемъ полудня пораженный.
«Ты вразумилъ меня, герой!»
Со вздохомъ голова сказала;
«Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязь, будь великодушень!
Достойнъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшого брата!
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бороною,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталь за то въ душѣ своей
Меня, жестокой, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастный,
Имѣя самый глупый ростъ,
Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтѣ презирая, —
Доколѣ борода цѣла —
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ, однажды, съ видомъ дружбы,
— Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ — и что же? страхъ!
Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубитъ:
Мнѣ бороду мою отрубить,
Тебѣ — главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ приобрѣтенъ
Сего созданья злыхъ духовъ!
— Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?

Сказалъ я карлѣ: я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта. —
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое, для совѣта
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу
Шагаль, шагаль и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Брались долго; наконецъ,
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.
— Оставимъ бесполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велитъ;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но самъ жестоко обманулъся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулъся,
Какъ вихоръ свистнулъ острый мечъ
И прежде, чѣмъ я оглянулся.
Ужъ голова слетѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила
Мой остовъ терниемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
Истлѣлъ мой прахъ непогребенный;
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенный,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О, витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь, —
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти!
И, наконецъ, я счастливъ буду
Спокойно миръ оставлю сей,
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду».

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Изданіе редакціи „Будильника“.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Русланъ и живая голова.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

В каждый день, оставь от сна.
Благодарю сердечно Бога
За то, что в наши времена
Волшебниковъ не такъ ужь много.
Къ тому же—честь и слава имъ!—
Женитьбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый—о, друзья!
Не вѣрьте имъ, они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.
Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могиль и рая вѣрный житель,
И музы вѣтренной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.
Друзья мои, вы всѣ слышали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ
И непритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей—
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей.
Сии чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья

И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто инокинъ святыхъ
На гробъ отцовскій провожали...
И что жь, возможно ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?..

Младой Ратмиръ, направля къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!
«Здѣсь ночью нѣга и покой.
А днемъ и шумъ, и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о, путникъ молодой!
«У насъ найдешь красавицъ рой;

Ихъ вѣжны рѣчи и лобзанье.
 Приди на тайное призванье,
 Приди, о, путникъ молодой!
 «Тебѣ мы съ утренней зарей
 Наполнимъ кубокъ на прощанье.
 Приди на мирное призванье,
 Приди, о, путникъ молодой!
 «Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, путникъ молодой!
 Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»
 Она манить, она поетъ —
 И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
 Его встрѣчаютъ у воротъ
 Дѣвицы красныя толпою;
 При шумѣ ласковыхъ рѣчей
 Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
 Онѣ плѣнительныхъ очей;
 Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
 Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
 За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
 Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
 Другая—кованья латы,
 Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
 Одежда нѣги замѣнитъ
 Желѣзные доспѣхи брани.
 Но прежде юношу ведутъ
 Къ великолѣпной русской банѣ.
 Ужъ волны дымныя текутъ
 Въ ея серебряныя чаны,
 И брызжутъ хладныя фонтаны;
 Разостланъ роскошью коверъ—
 На немъ усталый ханъ ложится;
 Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
 Потупя нѣги полный взоръ,
 Прелестныя, полунагія,
 Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
 Вкругъ хана дѣвы молодыя
 Тѣснятся рѣзвою толпою.
 Надъ рыцаремъ иная машетъ
 Вѣтвями молодыхъ березъ,
 И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
 Другая сокомъ вѣшнихъ розъ
 Устала члены прохлаждаетъ,
 И въ ароматахъ потопляетъ
 Темнокудрявыя власы.
 Восторгомъ витязь упоенный
 Уже забылъ Людмилы плѣнной
 Недавно милая красы;
 Томится сладостнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блеститъ,
 И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
 Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.
 Но вотъ, выходитъ онъ изъ бани.
 Одѣтый въ бархатныя ткани,
 Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
 Садится за богатый пиръ.
 Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
 Онъ можетъ воспѣвать одинъ
 Обѣды греческихъ дружинъ,
 И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
 Милѣе по слѣдамъ Парни
 Мнѣ славить лирою небрежной
 И наготу въ ночной тѣни,
 И поцѣлуй любви нѣжной!

Луною замокъ озаренъ;
 Я вижу теремъ отдаленный,
 Гдѣ витязь томный, воспаленный
 Вкушаетъ одинокій сонъ;
 Его чело, его ланиты
 Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
 Его уста полуоткрыты
 Лобзанье тайное манятъ;
 Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
 Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
 Покровы къ сердцу прижимаетъ
 Но вотъ, въ глубокой тишинѣ
 Дверь отворилась; полъ ревнивый
 Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
 И при серебряной лунѣ
 Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
 Сокройтесь, отлетите прочь!
 Проснись—твоя настала ночь!
 Проснись—дорогъ мигъ утраты!..
 Она подходитъ; онъ лежитъ
 И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
 Покровъ его съ одра скользитъ
 И жаркій пухъ чело объемлетъ.
 Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
 Стоитъ недвижна, бездыханна,
 Какъ лицемѣрная Діана
 Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
 И вотъ она, на ложе хана
 Колѣномъ опершись однимъ,
 Вдохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
 Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
 И сонъ счастливецъ прерываетъ
 Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ..

Но, други, дѣвственная лира
 Умолкла подъ моей рукой,
 Слабѣетъ робкій голосъ мой—
 Оставимъ юнаго Ратмира;
 Не смѣю пѣсней продолжать:
 Русланъ насъ долженъ занимать.
 Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный
 Упорнымъ боемъ утомленъ,
 Подъ богатырской головою
 Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
 Но вотъ, ужъ равнею зарею
 Сіяетъ тихій небосклонъ;
 Все ясно; утра лучъ игривый
 Главы косматой лобъ златитъ.
 Русланъ встаетъ, и конь ретивый
 Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы,
 Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
 Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
 Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
 Тяжелый, пасмурный туманъ
 Нагіе холмы обвиваетъ;
 Зима приблизилась—Русланъ
 Свой путь отважно продолжаетъ
 На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
 Преграды новыя встрѣчаетъ:
 То бьется онъ съ богатыремъ,
 То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
 То лунной ночью видитъ онъ,
 Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
 Окружены сѣдымъ туманомъ,

Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младого
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манять, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ—
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ не зрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другъ мыслить и вздыхаетъ.
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кievскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ,
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ—
Забиты плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону—незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упали...
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна—
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:

Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился, наконецъ,
Поймать Людмилу непременно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинувъ съѣтъ ея красамъ,
Открылъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ—кличутъ: «милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана:
Его черты, походка, станъ...
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
И на бедрѣ живая рана...
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
Русланъ!... онъ, точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла...
О, ужасъ... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ.
«Она моя!» и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О, страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукою
Младя прелести Людмилы!
Ужели счастливъ будетъ онъ?
Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной—судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ
А та—подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ, дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, мстью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И свѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ,
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому,
Русланъ подѣмлетъ смутный взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Шитомъ покрывшись, онъ нагнулся,

Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ—и свысока.
Шумя, летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ свѣгъ съ размаха рокового
Колдунъ упалъ—да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кричитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морскою;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силѣ русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвитъ: «Слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь—но только съ уговоромъ...»
«Молчи, коварный чародѣй!»
Прервалъ нашъ витязь: «съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора:
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!»
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадъ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.

Изданіе редакціи „Будильника“.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Ратмиръ въ замкъ хана.

Два дня колдунъ героя носить.
На третій онъ пощады просить:
«О, рыцарь, сжаляся надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волю;
Скажи - спущусь, куда велишь...»
«Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ».
Смиренно внемлетъ Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ пустился;
Летитъ—и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
«Знай нашихъ!»—молвилъ онъ жестоко;
«Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?»—и на шлемъ высокій
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихого;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живого
Въ котомку за сѣдло кладетъ.
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой;
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ среди храминъ горделивыхъ
Супругу милую зоветъ—
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ,
Онъ отворяетъ двери въ садъ—
Идетъ, идетъ—и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можетъ, горестъ... плѣнъ угрюмый...
Минута... волны...» Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томитъ невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень,
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,

Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушить, все крушить мечемъ—
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ—
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ—нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданномъ счастьемъ упоенный,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ.
Любви, восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее—но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подъемлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина..
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина—
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна».

Русланъ, симъ гласомъ оживленный,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоценной
Онъ оставляетъ вышину
И сходитъ въ доль уединенный.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенно розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье..

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣль желанный,
А дѣва спитъ. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Ужель, страдалецъ постоянный,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньи,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.
И вѣрю я! безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравѣ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ! первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливый
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой...
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забиты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.
Предъ нами стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ—и догадался,
Что подвѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ.
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой блѣдностью покрыты;
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!»
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ—плѣнникъ!»
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувство разбудили;
Очнулась, будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,

И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огонь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье;
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почилъ вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.
На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанный.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вдругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна,
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно,
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненный,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны...
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьи молчаливомъ

Кого же въ рыбацкѣ счастливомъ
 Нашъ юный витязь узнаеть?
 Хазарскій ханъ, избранный славой,
 Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
 Его соперникъ молодой,
 Ратмиръ въ пустынѣ безмятежной
 Людмилу, славу позабылъ,
 И имъ навѣки измѣнилъ
 Въ объятіяхъ подруги нѣжной.
 Герой приблизился, и вмигъ
 Отшельникъ узнаеть Руслана,
 Встаеть, летить. Раздался крикъ...
 И обнялъ князь младого хана.
 «Что вижу я?» спросилъ герой,
 «Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
 Тревоги жизни боевой,
 И мечъ, который ты прославилъ?»
 «Мой другъ», отвѣтствовалъ рыбацкѣ,
 «Душѣ наскучилъ бранной славы
 Пустой и гибельный призракъ.
 Повѣрь, невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы
 Милѣ сердцу во сто кратъ
 Теперь, утративъ жажду брани,
 Престалъ платить безумству дани
 И, вѣрнымъ счастьемъ богатъ,
 Я все забылъ, товарищъ милый,
 Все!.. даже прелести Людмилы».
 «Любезный ханъ, я очень радъ!»
 Сказалъ Русланъ: «она со мною». —
 Возможно ли, какой судьбою?
 Что слышу? Русская княжна...
 Она съ тобою, гдѣ жь она?
 Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
 Моя подруга мнѣ мила;
 Моей счастливой перемѣны
 Она виновницей была;
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
 Она мнѣ возвратила вновь
 Мою утраченную младость,
 И миръ, и чистую любовь.
 Напрасно счастье мнѣ сулили
 Уста волшебницъ молодыхъ;
 Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
 Я для нея покинулъ ихъ;
 Оставилъ теремъ ихъ веселый,
 Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
 Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
 Забылъ и славу, и враговъ.
 Отшельникъ мирный и безвѣстный,
 Остался въ счастливой глуши,
 Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
 Съ тобою, свѣтъ моей души!»
 Пастушка милая внимала
 Друзей открытый разговоръ,
 И устремивъ на хана взоръ,
 И улыбалась, и вздыхала.
 Рыбакъ и витязь на брегахъ
 До темной ночи просидѣли
 Съ душой и сердцемъ на устахъ.
 Часы невидимо летѣли.
 Чернѣть лѣсъ, темна гора;
 Встаеть луна—все тихо стало;
 Герою въ путь давно пора.
 Накинувъ тихо покрывало

На дѣву спящую, Русланъ
 Идетъ и на коня садится;
 Задумчиво безмолвный ханъ
 Душой во слѣдъ ему стремится,
 Руслану счастья, побѣдъ,
 И славы, и любви желаетъ,
 И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
 Невольной грустью оживляетъ.
 Зачѣмъ судьбой не суждено
 Моей непостоянной лирѣ
 Геройство воспѣвать одно,
 И съ нимъ (незнаемая въ мирѣ)
 Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
 Печальной истины поэтъ,
 Зачѣмъ я долженъ для потомства
 Порокъ и злобу обнажать
 И тайны козни вѣроломства
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?
 Княжны искатель недостойный,
 Охоту къ славѣ потерявъ,
 Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
 Въ пустынѣ дальней и спокойной
 Скрывался и Наины ждалъ.
 И часъ торжественный насталъ.
 Къ нему волшебница явилась,
 Вѣщая: «знаешь ли меня?
 Ступай за мной, сѣдай коня!»
 И вѣдьма кошкой обратилась.
 Осѣланъ конь; она пустилась
 Тропами мрачными дубравъ;
 За нею слѣдуетъ Фарлафъ.
 Долина тихая дремала,
 Въ ночной одѣтая туманъ;
 Луна во мглѣ перебѣгала
 Изъ тучи въ тучу и курганъ
 Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
 Сидѣлъ съ обычною тоскою
 Предъ усыпленною княжною;
 Глубоку думу думалъ онъ,
 Мечты летѣли за мечтами,
 И непримѣтно ввѣялъ сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами.
 На дѣву смутными очами
 Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ.
 И, утомленною главою
 Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.
 И снится вѣщій сонъ герою:
 Онъ видитъ, будто бы княжна
 Надъ страшной бездны глубиною
 Стоитъ недвижна и блѣдна...
 И вдругъ Людмила исчезаетъ,
 Стоитъ одинъ надъ бездной онъ...
 Знакомый гласъ, призывный стонъ
 Изъ тихой бездны вылетаетъ...
 Русланъ стремится за женой;
 Стремглавъ летитъ во тѣмѣ глубокой...
 И видитъ вдругъ передъ собой:
 Владиміръ въ гридницѣ высокой,
 Въ вругу сѣдыхъ богатырей,
 Между двѣнадцатью сынами,
 Съ толпою названныхъ гостей,
 Сидитъ за бранными столами.
 И такъ же гнѣвенъ старый князь,
 Какъ въ день ужасный разставанья;

И всё сидять не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ среди гостей
Въ бою сраженнаго Рогдая,
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридвицу Фарлафъ.
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу уныло;
Князья, бояре—всѣ молчатъ,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло—смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслить: «это сонъ!»
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.
Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ.

Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.
Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязню глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ:
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на-двое разсѣчь...
Къ нему подѣхалъ конь героя
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ—сонъ ужасный
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!..
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
Съ своей добычей драгоцѣнной.
Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли, кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманный,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной—
И палъ недвижный, бездыханный.

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Изданіе редакціи „Будильника“.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Бой Руслана съ Черноморомъ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о, другъ мой нѣжный,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтренной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ...
Дышу тобой—и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разказы прежніе мои,
Преданья славы и любви:
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимірь, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь... Влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младого.
Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый.
Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь;

Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щить его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ.
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ—о, диво!
Онъ видитъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмила нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ не правъ.

Межъ тѣмъ, Найной осѣненный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Киеву Фарлафъ;
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца—
И вотъ, измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владимірь-солнышко въ то время
Въ высококомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;

Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходить, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взгляды
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро перстъ къ устами прижавъ,
«Людмила спитъ!» сказалъ Фарлафъ;
«Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злого лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно:
Три дня мы бились; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю — скрытъ судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Одни остались въ утѣшенье».

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валитъ
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князя и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньи, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой,
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,

Вдали, подъемля черный прахъ,
Идутъ походныя телѣги.
Костры пылаютъ на холмахъ...
Бѣда, возстали печенѣги!
Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.
Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремячихъ,
Куда и вѣдъмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухѣ пропальъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою —
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотой
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце, вспыхнувъ, замираетъ.
Вдругъ витязь вспрыснулъ. Вѣщій Финнъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о, мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грядетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы;
Враговъ смутитъ твое лицо;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.

„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

Изданіе редакци „Будильника“.

Фототипія Р. Ю. Тиле. Москва.

Пробужденіе Людмилы.

Достойны счастья будьте оба.
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... тамъ, за дверью гроба—
Не прежде—свидимся съ тобой!»
Сказаль, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно болѣ!
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ;
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливый
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, унынемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхъ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталь. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ;
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;
Во градъ трубы загремяли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
Навстрѣчу рати удалой,
Сошли—и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони,
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ набѣдники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется,
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинуть булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ...
И длится бой до темной ночи;
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
За горами кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ
И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна серебрилася въ потокъ,
Сомнительный рождался день

На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце кіевлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блестая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ..
То былъ Русланъ. Какъ божій громъ,
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ, съ карлой за сѣдломъ,
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ...
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнить;
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный;
Копье сіяетъ, какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной.
На шлемѣ вьется борода;
Летитъ, надеждой окрыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпится съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!

Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей.
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо—юная княжна,
Вздыхнувъ, открыла свѣтлы очи
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи,
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной;
И вдругъ узнала—это онъ!
И князь въ объятяхъ прекрасной
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милый!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ.
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ.
Владимиръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ, міра житель равнодушный,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ—и забывалъ обиды
Слѣпого счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимый,
Ужь улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О, дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой—
Но огонь поэзіи погасъ,
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ.
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня на вѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.